

Егоръ Ивановичъ, назвалъ Андрей, совершенно не согласенъ съ что насъ называють украинцами. мы украинцы? Мы—малороссы. —отшбаетесь, дорогой: мы и ны то другое.

—какъ такъ? изумился Полишукъ.

—вотъ такъ, глубококомасленно про- Егоръ Ивановичъ. П мы и ваши правды, насколько можно про- въ гдаубъ вѣсто, жипи на бере- орныни. Такъ вѣдь?

—а, такъ что жъ изъ этого.

—очень много. Изъ исторіи намъ зо, что въ бассейніи рѣки Припяти равныи притоковъ жилъ племя древ- ожесточенно борюшееся со своими и сослани. подьяни ми князя-

а мы представляем собой дре-де-ре-ляни, дерево, ляс, потому фамилия—Полишук, иначе гово-ренной древяни, ляс и я. Моя мамка не отдавала от Горны. Чув-е?

— не в семь соть. Мы, древяни, е, должны объединиться: вы един-е, должны определить границы на-циональности и территории, это раз; той стороны, установить отдельное лясное правление с президен-во ляс, отдельным войском и нной границей с соседями. Вот мы нальте гребаный.

— Во всяком случае, в Малороссии, мы в силу общности лясня, лям, лям бы не следовало,—защищался ляс.

— Да и я то же думаю,—подтвердил ляс.

И вы это говорите, Андрей Андреич? Вы забыли, что князь Игорь вынул последнюю копейку у древлян; его жена, киевлянка Ольга, сдвинула с нашей страны, что сдвинула и мы — Бесыгерь! Князь Мать высоко держимая нашей нации, но уступила со славу. Нашимъ злодѣюмъ должно «Древлянамъ для древлянъ», — капишь Иванючикъ, проявляя признаки немощности, чего раньше за нѣмъ не заось.

А какъ же ваша пенсія, Егоръ Ивановичъ? А какъ прощѣ національности, ичисляющіа себя къ древлянкамъ? — али вопросы дяволъ и учитель.

Пенсія будетъ переведена изъ розго въ древлянское государственное

...и купить ничего нельзя было, покупать продолжали работать. Как это можно делать? Антоний Иванович — это она одна знает. Кажется и в этом случае сыграла главную роль его впитанная и большая любовь, что создаст из дружеских отношений с пованнами...»). Они ей не шли в свой родной. И, отказываясь всё, Иван Иванович для ее здоровья, как говорили, два отказывал не могли.

За три года войны много пришлось видеть сестер милосердия: хороших и плохих работников, но лучших из хороших это были жены русских офицеров. Ближе к солдатам, проще с ними, больше их знают и солдатам с ними

и приятнее. У офицера, сидевшего рядом с ним, на щеках выступили крупные капли пота. Он тоже нахмурился, но в отличие от солдата, который так нервничал солдаты. Раны и большие солдаты терпеть не могли, когда их жаждали. Это раздражало и уменьшало сопротивляемость боли. Такими, как некогда жалелись подруги сестры, нам нужна помощь и только. Благодаря этому придет потом, когда уже проходит врезанные страдания. Вот в таких жалела сестры на родные места жалела обаяние неземными; они то и являются настоящим ангелам-учителями мира. Думать они просто. А в этом все дело и заключается. Ни большой, сестра не забываешь необычности своего положения.

— Так надо.

В этом все объяснение и в этом так.

— Муж на позиции, я здесь, это мое
тоже мое место по праву...
Особенно тяжелы обстановки в работе
гг. Воробьевой, так что она питает и
есть страх, в чужой Румынии, далеко
от родины, где не слышно русской рѣ-
чи и потому особенно тяжело, выделять
даже изъ среды сестер этого типа.

А. Лохов.

---

*) Такъ зовутъ въ Румыніи старослѣдствѣ
дѣланныхъ въ Румынію изъ Россіи въ
X ст.

